

**МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Айзек Азимов

Дело принципа

Серия «Рассказы о демоне Азазеле»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158243

Миры Айзека Азимова. Книга 12: Полярис; Пуга; 1994

Оригинал: Isaac Asimov, "A Matter of Principle"

Перевод:

Михаил Борисович Левин

Аннотация

Герой рассказа Айзека Азимова «Дело принципа» (цикл о демоне Азазеле), друг Джорджа, Готлиб Джонс был посредственным рекламным агентом, но у него была тайная мечта стать великим писателем. Правда дальше первого абзаца дело почему-то не шло. Азazel помог Джонсу...

Айзек Азимов

Дело принципа

Джордж меланхолично уставился в стакан с моей выпивкой (моей в том смысле, что не было сомнений, кто будет за нее платить) и произнес:

– То, что я сегодня беден, – это просто дело принципа. – Он глубоко, тяжело вздохнул и добавил: – Я должен извиниться за употребление термина, с которым вы абсолютно незнакомы, если не считать титула «принцепс», носимого директором средней школы, чуть было вами не оконченой. Что же касается меня, то я – человек принципа.

– Да неужто? – заметил я. – Тогда, наверное, вы получили эту черту характера от Азазела всего-то минуты две назад, потому что никогда раньше никто не замечал за вами никаких ее проявлений.

Джордж посмотрел на меня уничтожающим взглядом. Азазел – это двухсантиметровый демон, который владеет ошеломительной волшебной силой и которым только Джордж может свободно повелевать.

– Вообразить не могу, где вы слышали об Азазеле.

– И для меня это тоже полнейшая тайна, – согласился я – или была бы, если бы он не был единственной темой ваших монологов, сколько я вас знаю.

– Не говорите глупостей! – сказал Джордж. – Я никогда о

нем не упоминал.

Вот и Готлиб Джонс (так говорил Джордж) тоже был человеком принципа. Вы можете сказать, что это абсолютно исключено при его профессии оформителя рекламных объявлений, но кто видел, как он преодолевает свое порочное призвание благородством чувств, тот согласится, что не было зрелища прекраснее.

– Джордж, – говаривал он мне за гамбургером с жареной картошкой, – для описания того, как ужасна моя работа, не подберешь слов, и неопишимо мое отчаяние, когда я должен найти способ убедить людей покупать товары, о которых каждый мой инстинкт кричит, что человечеству будет гораздо лучше без них. Вот только вчера я должен был продавать новый репеллент от насекомых, который по результатам испытания заставлял комаров издавать ультразвуковые сигналы восторга, так что они слагались за много миль вокруг. Пришлось мне вот что написать: «Неча комаров кормить – надо их навскидку бить!»

– Навскидку? – повторил я, содрогнувшись.

Готлиб закрыл глаза рукой. Он бы закрыл и двумя, да как раз в это время препровождал в рот приличную порцию картошки.

– Джордж, я вынужден жить с этим позором, но рано или поздно мне придется эту работу бросить. Из-за нес я нарушаю свои принципы бизнесмена и писателя, а я – человек

принципа.

– Эта работа приносит пятьдесят тысяч в год, а у вас – молодая красивая жена и ребенок, которых надо кормить.

– Деньги, – злобно сказал Готлиб, – это мусор! Бесполезная вещь, за которую человек продаст душу свою! Я брошу это, Джордж, я с омерзением отшвырну от себя эту работу, я с ней ничего общего иметь не буду.

– Готлиб, вы, разумеется, ничего подобного не сделаете. Ведь ваша зарплата вам не противна, нет?

Должен признать, что меня крайне взволновала мысль о нищем Готлибе и тех бесчисленных совместных завтраках, которые его добродетельная стойкость уже не позволит ему оплачивать.

– Нет, увы, не противна. Моя дорогая супруга Мэрилин имеет огорчительную привычку жаловаться на недостаток денег во время разговоров чисто интеллектуального характера, не говоря уже о небрежных упоминаниях тех необдуманных покупок, которые она совершает в магазинах одежды и мебели. А что до Готлиба младшего, которому сейчас от роду шесть месяцев, то я не думаю, чтобы он был готов воспринять мысль о полной ненужности денег, хотя – надо отдать ему справедливость – он никогда их у меня не просил.

Он вздохнул, и я вместе с ним. Я часто слышал о неуступчивой природе жен и детей там, где дело касается денег, и это одна из главных причин, почему я ни разу не связал себя обязательствами за всю свою долгую жизнь, хотя при моем

неотразимом обаянии женщины за мной охотились стаями.

Готлиб нечаянно прервал цепь приятных реминисценций, в которую я незаметно для самого себя углубился, сказав:

– Джордж, вы знаете мою тайную мечту?

Глаза у него стали такие масляные – я было испугался, что он прочел мои мысли.

Он, однако, добавил:

– Я хочу писать романы, хочу обнажить такие глубины человеческой души, чтобы люди содрогнулись от ужаса и одновременно – восторга, чтобы имя мое было написано несмысленными буквами в истории классической литературы и чтобы из поколения в поколение пошло оно рядом с такими именами, как Эсхил, Шекспир и Эллисон.

Мы закончили завтрак, и я напрягся в ожидании счета, пытаясь точно определить момент, когда надо будет внезапно отвлечься. Официант же, оценив ситуацию с неотделимой от его профессии проницательностью, подал счет Готлибу.

Напряжение меня отпустило, и я сказал:

– Дорогой мой Готлиб, давайте рассмотрим возможные последствия – они могут быть ужасны. Я вот недавно читал в одной солидной газете, которая оказалась в руках у стоящего рядом со мной джентльмена, что в Соединенных Штатах тридцать пять тысяч печатающихся писателей. Из них только семьсот зарабатывают себе на жизнь своим искусством, и пятьдесят – всего пятьдесят, мой друг, – богаты. Ваше же теперешнее жалованье...

– Ха! – сказал Готлиб. – Какая мне разница, будут у меня деньги или нет, если мне достанется бессмертие и бесценный дар вдохновения и памяти потомков. Да я легко переживу, если Мэрилин пойдет работать официанткой или водить автобус. Я просто уверен, что она была бы – или должна была бы быть – счастлива, работая днем и возясь с Готлибом младшим ночью, чтобы мое творчество могло развернуться во всю мочь. Вот только... – Он запнулся.

– Только – что? – ободрил я его.

– Даже не знаю, как это сказать, Джордж, – выговорил он, и в голосе его прозвучала горькая нотка, – но есть одно препятствие. Я не уверен в том, что я смогу. У меня в мозгу теснятся идеи потрясающей глубины. Через мое сознание все время проходят какие-то сценки, диалоги, потрясающие жизненные ситуации и коллизии. Но мне изменяет совершенно второстепенное умение облечь все это в должные слова. Это получается у любого неграмотного бумагомараки, вроде вот этого вашего приятеля с чудным именем, и тогда книги пекутся сотнями, как пирожки, но я не могу понять, в чем здесь фокус.

(Очевидно, мой друг, он имел в виду вас, поскольку фраза «неграмотный бумагомарака» была очень уж к месту. Я бы за вас вступился, да уж больно безнадежной была бы эта позиция.)

– Наверное, – сказал я, – вы просто не пробовали как следует.

– Это я не пробовал? Да я целые сотни листов исписал, и на каждом был первый абзац блестящего романа – первый абзац, и все. Сотни и сотни первых абзацев для сотен и сотен разных романов. И в каждом случае я затыкался на втором абзаце.

Тут меня осенила блестящая идея, чему я не удивился. У меня в мозгу блестящие идеи возникают постоянно.

– Готлиб, – сказал я ему. – Я могу вам помочь. Я вас сделаю романистом. Я сделаю вас богатым.

Он посмотрел на меня с неприятным недоумением.

– Вы? – сказал он, вложив в это местоимение самый непочитительный смысл.

Мы уже встали и вышли из ресторана. Я заметил, что он не оставил чаевых, но посчитал, что с моей стороны было бы неправильно об этом упоминать, чтобы он не подумал, будто я таким вещам придаю значение.

– Друг мой, – сказал я. – Мне известен секрет второго абзаца, а это значит, что я могу сделать вас богатым и знаменитым.

– Ха! И что же это за секрет?

Я деликатно ответил (и вот она, моя блестящая идея):

– Готлиб, работник стоит тех денег, за которые он нанят.

Готлиб хохотнул:

– Я в вас настолько верю, Джордж, что без опасения могу пообещать: если вы сделаете меня богатым и знаменитым романистом, вы получите половину моего заработка – разу-

меется, за вычетом производственных издержек.

Я еще деликатнее сказал:

– Готлиб, я знаю, что вы – человек принципа и одно ваше слово скрепит соглашение сильнее цепей из лучшей стали, но просто для смеха – хе-хе – не согласитесь ли вы заявить это же в письменной форме и, чтобы еще смешнее было, заверить – ха-ха – у нотариуса? И каждый из нас возьмет по экземпляру.

Вся эта операция заняла где-то полчаса, поскольку нотариус была еще и машинисткой и моей доброй знакомой.

Мой экземпляр драгоценного документа я положил в бумажник и сказал:

– Сейчас, немедленно, я не могу открыть вам этот секрет, но как только я организую все, что для этого необходимо, я дам вам знать. Тогда вы можете попробовать написать роман и увидите, что никаких затруднений со вторым – или тысячу вторым – абзацем у вас не будет. Само собой, вы мне ничего не должны до тех пор, пока не получите первый аванс, и очень крупный.

– Уж в этом можете не сомневаться, – мерзким голосом заметил Готлиб.

Я вызвал Азазела в тот же вечер. Он ростом всего два сантиметра, и в его мире на него никто и не посмотрит. Это единственная причина, из-за чего он согласен мне помогать разными простенькими способами. Он тогда чувствует себя значительным.

Мне никогда не удавалось его убедить сделать что-нибудь прямо ведущее к моему обогащению. Он сразу начинает твердить о недопустимости коммерциализации искусства. И его нельзя убедить и в том, что все сделанное им для меня будет использовано не в эгоистических видах, а лишь на благо человечества. Когда я ему это изложил, он издал какой-то звук, смысла которого я не понял, да еще и объяснил, что подцепил его у одного уроженца Бронкса.

Вот по этой самой причине я и не стал ему рассказывать о нашем с Готлибом соглашении. Хотя не Азazel сделает меня богатым, а Готлиб – после того как его сделает богатым Азazel, я решил не вдаваться с ним с обсуждение таких нюансов.

Азazel, как всегда, был раздражен вызовом. У него на крошечной головке было какое-то украшение, похожее на широкий лист морской травы, и, по его словам, можно было понять, что я его вызвал в середине академической церемонии, где он был героем чествования. Как я уже говорил, он там у себя мелкая сошка, и потому он придает слишком много значения подобным событиям, так что на язвительные комментарии не поспешил.

Я отмел его возражения.

– Ты, в конце концов, – сказал я ему, – можешь сделать ту малость, что я тебя прошу, и вернуться в то же самое время, когда исчез. Никто и не заметит.

Он возмущенно хрюкнул, но вынужден был признать мою

правоту, так что даже сверкнул миниатюрной молнией.

– Так чего тебе надо? – спросил он.

Я объяснил.

Азazel уточнил:

– Его профессия – это передача идей, да? Перевод идей в слова, как у этого твоего приятеля с причудливым именем?

– Совершенно верно, и он хотел бы повесить свою эффективность, чтобы доставить удовольствие тем читателям и добиться признания – ну и богатства тоже, хотя оно ему нуден о лишь как материальное свидетельство признания, а не ради самих денег.

– Понимаю. У нас в нашем мире тоже есть словоделы, которые все вместе и каждый в отдельности ценят только признание и никогда не примут самой малой суммы, если она не служит материальным свидетельством признания.

Я снисходительно рассмеялся:

– Профессиональная слабость. Мы с тобой, к нашему счастью, выше этого.

– Ладно, – сказал Азazel. – Я не могу тут торчать до Нового года, а то трудно будет вернуться в нужный момент. Этот твой друг – в пределах мысленной досягаемости?

Найти его оказалось непросто, хотя я показал на карте расположение его рекламной фирмы и со своим обычным красноречием дал точную характеристику объекта, но сейчас не хочу утомлять вас подробностями. В конце концов Готлиба нашли, и Азazel после коротенького обследования

сказал:

– Необычный разум, довольно частый среди образчиков твоего не слишком привлекательного вида. Гибкий, но при том довольно ломкий. Схема словоделания есть, но она вся в узлах и наносах, так что его трудности неудивительны. Снять препятствия мне ничего не стоит, но это может привести к умственной неустойчивости. Скорее всего, при аккуратной работе этого не случится, но всегда есть шанс. Ты думаешь, он бы сам рискнул?

– Несомненно! – воскликнул я. – Он нацелен на славу и служение искусству. Он бы рискнул без колебаний.

– Это так, но ведь ты, как я понял, его преданный друг. Он может быть ослеплен амбициями и жадой творить добро, но ты видишь яснее. Ты хотел бы, чтобы он попробовал?

– Моя единственная цель – это его счастье и благо. Вперед, и постарайся работать так аккуратно, как сможешь. А если что-нибудь случится не так – мы хотели как лучше. (А если все будет в порядке, то половина всего финансового успеха будет моя.)

И так это и свершилось. Азazel, как всегда, притворился, что ему невесть как трудно, и потом долго лежал, поводя боками и бормоча насчет неразумных требований, но я предложил ему подумать о счастье миллионов людей и попросил несколько уменьшить собственное себялюбие.

Устыженный моими справедливыми словами, он нашел в себе силы отправиться на завершение той церемонийки в его

честь, которая тем временем шла своим чередом.

Готлиба Джонса я нашел где-то через неделю. Раньше я не пытался, считая, что ему понадобится какое-то время на освоение новых мозгов. Ну, и еще я хотел подождать и косвенным путем навести справки, не повредила ли ему переделка. Если бы это было так, то совершенно незачем было бы с ним встречаться. Моя утрата – и, конечно, его тоже – сильно омрачила бы такую встречу.

Но я о нем ничего настораживающего не узнал, и он определенно выглядел вполне нормальным, когда я увидел его на выходе из здания той компании, где он работал. Мне сразу бросилось в глаза, что он был несколько меланхоличен. Значения этому я не придал, поскольку из опыта общения с писателями сделал вывод, что это у них профессиональное. Может быть, от постоянного контакта с редакторами.

– А, Джордж, – сказал он тусклым голосом.

– Готлиб, – ответил я, – до чего же я рад вас видеть. Вы сегодня прекрасно выглядите. (На самом деле он, как и все писатели, выглядел омерзительно, но великое дело – вежливость.) Вы не пытались писать последнее время?

– Нет, не пробовал. – И туг, как будто внезапно припомнив, он сказал: – А что? Вы готовы поделиться со мной секретом второго абзаца?

Мне было приятно, что он помнит, ибо это указывало на сохранение прежней остроты его ума. Я ответил:

– Милый мой, все уже сделано. Я ничего не должен вам объяснять, у меня более тонкие методы. Идите домой и садитесь за машинку: вы увидите, что пишете, как бог. Будьте уверены, все ваши горести позади, и романы потекут с вашей машинки гладкой струйкой. Напишите две главы и план остального романа, и я уверен, что любой издатель взвизгнет от восторга и тут же выпишет солидный чек, из которого каждый цент будет наполовину ваш.

– Ха! – фыркнул Готлиб.

– Смею вас заверить, – сказал я, прижимая руку к сердцу (а оно у меня, как вы знаете, настолько большое, что могло бы, говоря фигурально, занять всю грудную полость), по совести говоря, я чувствую, вы могли бы абсолютно спокойно бросить эту свою мерзкую работу, чтобы она никак не мара-ла чистейший материал, выходящий из вашей машинки. Вы только попробуйте, Готлиб, и увидите, что я свою половину более чем заработал.

– Вы что, уговариваете меня бросить работу?

– Именно так!

– Я не могу.

– Можете, можете. Бросьте вы свою презренную должность. Оставьте эти оглупляющие вас занятия коммерческим надувательством.

– Да я же вам говорю, что не могу. Меня только что уволили.

– Вас?

– Совершенно верно. И притом после возмутительной критики, да еще выраженной таким образом, которого я никогда не прощу и не собираюсь прощать.

Он направился к маленькой недорогой забегаловке, где мы обычно обедали. Я спросил его:

– А что случилось?

Уныло прожевывая бутерброд с говядиной, он объяснил.

– Я писал рекламу для освежителя воздуха, и меня вдруг поразила ее какая-то жеманность. Ничего крепче слова «запах» нельзя использовать. И мне захотелось высказаться от души. Уж если мы должны рекламировать такой мусор, так можно хоть сделать это как следует. И на моем экземпляре, прямо поверх всех этих розочек, духов и незабудок, я в заголовке написал: «Зловонье – в шею», а внизу крупными буквами: «ВОНЬ ГОНИ ВОН!» и отправил в типографию, не озаботившись дальнейшими консультациями. А потом, естественно, подумал: «А почему бы и нет» и отправил боссу докладную записку. С ним случился припадок прямо в кабинете, и вопил он очень громко. Вызвав меня тут же, он мне объявил, что я уволен, и добавил несколько таких слов, которые вряд ли всосал с молоком матери – разве что у него была достаточно оригинальная матушка. И вот я без работы.

Он метнул на меня враждебный взгляд исподлобья:

– Сейчас вы скажете, что это ваша работа.

– Конечно. Вы подсознательно чувствовали, что поступаете правильно. Вы намеренно подставили себя под увольне-

ние, чтобы всю оставшуюся жизнь служить искусству. Готлиб, друг мой, идите сейчас домой. Пишите роман и не соглашайтесь на аванс меньше ста тысяч долларов. Производственные издержки не стоят разговора – всего несколько пенни на бумагу, так что и вычитать из моих пятидесяти тысяч ничего не придется.

– Вы сумасшедший, – сказал он.

– Я убежденный, – возразил я. – И в доказательство я плачу за завтрак.

– Вы таки сумасшедший, – повторил он дрогнувшим от удивления и ужаса голосом и на самом деле дал мне заплатить по счету, хотя не мог не понимать, что мое предложение было всего лишь риторической фигурой.

На следующий вечер я ему позвонил, Конечно, следовало бы подождать еще. Не надо было его торопить, Но я сделал в него кое-какую инвестицию – завтрак обошелся мне в одиннадцать долларов, не говоря уже о четвертаке на чай, – и я беспокоился о судьбе своих вложений. Это, я думаю, понятно.

– Готлиб, – спросил я, – как подвигается роман?

– Нормально, – сказал он отсутствующим голосом. – Я уже отстучал двадцать страниц, и выходит отлично.

Тем не менее голос его звучал так, как будто все это его не интересует. Я спросил:

– Так чего же вы не прыгаете от радости?

– Насчет романа? Не говорите глупостей. Мне позвонили

Файнберг, Зальтцберг и Розенберг.

– Ваша рекламная фирма? То есть бывшая ваша?

– Да, они. Не все сразу, конечно, звонил мистер Файнберг.

Он хочет, чтобы я вернулся.

– Надеюсь, Готлиб, вы им сказали, как вы теперь далеки...

Он меня прервал:

– Оказывается, заказчик объявления насчет освежителя пришел в экстаз от моего экземпляра. Они хотят организовать целую рекламную кампанию как в печати, так и на телевидении и хотят, чтобы ее организовал автор самого первого объявления. По их мнению, я проявил смелость, решительность и полное понимание духа рекламы восьмидесятых. Они и дальше хотят иметь рекламу такой же силы, а для этого им нужен я. Конечно, я обещал подумать.

– Готлиб, это ошибка.

– Я им должен врезать как следует. Я не забыл те эпитеты, с которыми старый Файнберг выбросил меня на улицу – несколько слов на идише.

– Готлиб, деньги – это мусор.

– Верно, Джордж, но я хочу знать, о скольких баках мусора идет речь.

Я не слишком беспокоился. Я знал, как необходимость писать рекламные тексты травмирует чувствительную душу Готлиба и с каким облегчением вернется он к своему роману. Надо было только подождать – и (как гласит золотая поговорка) природа возьмет свое.

Но реклама освежителя вышла в свет и произвела фурор. раз «вонь гони вон!» была на слуху у всей американской молодежи, и каждое ее повторение волей-неволей рекламировало продукт.

Вы, наверное, и сами это помните – да что я говорю, конечно, помните, поскольку в тех изданиях, для которых вы пытаетесь писать, сформулированные с помощью этой фразы отказы стали неотъемлемым атрибутом, и вы не раз должны были испытать это на себе. Появилась и не менее успешная другая реклама того же сорта. И тогда я вдруг понял. Азazel дал Готлибу ум такого рода, что способен поражать людей своими сочинениями, но так как он (Азazel) мелкая сошка, он не мог настроить разум только на романы. Да он, Азazel, и вообще мог не знать, что такое роман.

Ладно, разве это было существенно?

Не могу сказать, что Готлиб был очень доволен, придя домой и увидев у дверей меня, но все же он не настолько потерял стыд, чтобы не предложить мне зайти. Я даже с удовлетворением заметил, что он не мог не предложить мне победать, но постарался (как я понимаю) испортить мне удовольствие, заставив довольно долго держать на руках Готлиба младшего.

Не хотел бы я повторить такой опыт.

После обеда, когда мы остались в столовой одни, я спросил его:

– И как много мусора вы теперь зарабатываете?

Он взглянул на меня с укоризной:

– Не говорите «мусор», Джордж. Это неуважение. Пятьдесят тысяч в год – это, я согласен, мусор, но сто тысяч плюс очень приличные проценты – это финансовое положение. А кроме того, я собираюсь основать собственную фирму и стать мультимиллионером, то есть выйти на уровень, когда деньги становятся доблестью – или властью, что, конечно, одно и то же. С той властью, которая у меня будет, я выброшу из бизнеса Файнберга. Я ему покажу, как говорить мне такие слова, которые ни один джентльмен не должен себе позволять говорить другому. Кстати, Джордж, вы не знаете значения слова «шмендрик»?

Тут я ему не мог помочь. Говорю я на нескольких языках, но урду в это число не входит.

– Так вы разбогатели.

– И планирую разбогатеть еще.

– Могу ли я в таком случае напомнить вам, Готлиб, что это произошло только в силу моего согласия на ваше богатство, взамен чего вы, в свою очередь, обещали мне половину ваших заработков?

Брови Готлиба взлетели чуть не на середину черепа.

– Вы согласились? Я обещал?

– А вы не помните? Я понимаю, что такие мелочи легко забываются, но мы, к счастью, все это записали, подписали, заверили нотариально и все такое прочее. У меня с собой даже оказалась фотокопия соглашения.

– Хм. Могу я взглянуть?

– Разумеется. Я только должен подчеркнуть, что это всего лишь копия, так что, если вы ее случайно разорвете на клочки при попытке рассмотреть поближе, у меня все равно сохранится оригинал.

– Разумный ход, Джордж, но вы напрасно опасаетесь. Если все так, как вы говорите, то у вас никто не отберет ни грана, ни скрупулы – короче, ни цента ваших денег от вас не отнимут. Я – человек принципа и чту все соглашения до последней буквы.

Я отдал ему фотокопию, и он тщательно ее изучил.

– Ах, это, – сказал он, – Это я помню. Конечно, конечно. Здесь вот только одна маленькая деталь....

– Какая? – спросил я.

– Вот тут сказано, что все это относится к моим заработкам в качестве романиста. Джордж, я не романист.

– Вы же собирались им стать и всегда можете им стать, как только садитесь за машинку.

– Но я больше не собираюсь, Джордж, и не думаю, чтобы еще когда-нибудь сел за пишущую машинку.

– Но ведь великий роман – это бессмертная слава. А что могут принести вам ваши idiotские лозунги?

– Деньги и деньги, Джордж. И большую фирму, у которой я буду единственным владельцем. В ней будут работать тысячи жалких оформителей, саму жизнь которых я буду держать у себя на ладони. У Толстого такое было? Или у Дель

Рея?

Я не мог поверить своим ушам.

– И после всего, что я для вас сделал, вы откажете мне в ржавом центе из-за одного только слова в нашем торжественном соглашении?

– Вы сами писать не пробовали, Джордж? Мне бы никогда не удалось описать суть так точно и так кратко. Мои принципы заставляют меня придерживаться точной буквы соглашения, а я – человек принципа.

И с этой позиции сдвинуть его было нечего и думать, и я даже не стал вспоминать о тех одиннадцати долларах, что я тогда заплатил за нага завтрак.

Не говоря уже про двадцать пять центов на чай.

Джордж встал и ушел и был при этом в таком эпическом горе, что у меня язык не повернулся предложить ему сперва заплатить за свою долю выпивки. Спросив счет, я увидел сумму – двадцать два доллара. В восхищении от точного расчета Джорджа, я понял, что мой долг – оставить полдоллара па чай.